

На правах рукописи

КОРОВИНА Кристина Геннадьевна

ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

(на материале произведений В.В. Набокова)

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Тверь – 2016

Работа выполнена на кафедре английской филологии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Научный руководитель –

Владимир Ильич Карасик – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Официальные оппоненты:

Белоглазова Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

Самохина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, преподаватель ООО «Дельта Интерконтакт», г. Тверь.

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

Защита состоится ____ декабря 2016 г. в ____ час. ____ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Володарского, 44.

Отзывы можно направлять по адресу: 170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ТвГУ, учёному секретарю диссовета Д 212.263.03.

Автореферат разослан ____ _____ 2016 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
кандидат филологических наук, доцент

М.В. Оборина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная работа выполнена в русле теории языковых контактов, теории межкультурной коммуникации, лингвистики текста.

Объектом изучения является художественный билингвизм, в качестве *предмета* исследования выступают лингвокреативные характеристики билингвальных художественных текстов В.В. Набокова.

Актуальность работы обусловлена следующим: 1) художественный билингвизм является специфическим типом коммуникативной компетенции, еще недостаточно изученным в науке о языке; 2) художественные произведения В.В. Набокова относятся к золотому фонду русской литературы, вместе с тем его идиостиль и переводческая практика требуют освещения и уточнения в лингвистической литературе; 3) осмысление билингвальных текстов В.В. Набокова представляется важным для понимания типов лингвокреативной деятельности.

В основу выполненной работы положена следующая *гипотеза*: художественный текст писателя-билингва характеризуется особыми признаками лингвокреативности, которые находят выражение в идиостиле писателя; писатель-билингв не только выступает автором создаваемых текстов, но и критически оценивает возможности текстопорождения на используемых им языках.

Цель исследования – выявить лингвокреативные характеристики билингвальных художественных текстов. Поставленная цель уточняется в следующих задачах:

- 1) установить конститутивные признаки художественного текста писателя-билингва;
- 2) описать особенности идиостиля В.В. Набокова как писателя-билингва;
- 3) охарактеризовать особенности комментариев В.В. Набокова как писателя-билингва;
- 4) описать специфику автопереводов В.В. Набокова.

В качестве *материала исследования* были использованы рассказы В.В. Набокова, переведённые им с русского языка на английский, а также опубликованные им комментарии к своим произведениям; всего проанализировано около 1000 текстовых фрагментов, представляющих собой проявление языкового сознания писателя-билингва.

В работе использовались следующие *методы*: понятийный анализ, интерпретативный анализ, сопоставительный анализ текстов оригинала и переводов, интроспекция.

Выполненное исследование базируется на следующих *положениях, доказанных в научной литературе*: о специфике художественного текста (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, Ю.М. Лотман, И.Р. Гальперин, В.И. Карасик, Л.Г. Бабенко, Е.В. Тряпицына, Н.А. Николина, Н.Л. Мышкина, У. Вайнрайх, Ш. Балли); о природе и характеристиках билингвизма (И.А. Бодуэн де Куртенэ, У. Вайнрайх, Ф.Ф. Фортунатов, Е.М. Верещагин, В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, А.А. Потебня, Ж. Пиаже, Е.К. Черничкина,

Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко), о типах перевода (Л.К. Латышев, А. Нойберт, В.Н. Комиссаров, В.В. Липатова, М.А.К. Хэллидей, Е.Б. Дзапарова, С.И. Титкова, С.И. Влахов).

Степень разработанности проблемы. Проблематика билингвизма в его разных проявлениях неоднократно привлекала к себе внимание исследователей (А.А. Шахматов, Е.Д. Поливанов, В.А. Богородицкий, Е.М. Верещагин, В.Ю. Розенцвейг, В.А. Аврорин, Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко, А.И. Холмогоров, А. Мейе, А.П. Майоров, Г. Шухардт, А. Мартине, Э. Хауген, М. Сводеш, Ч. Осгуд, Л. Блумфильд, А. Грюнбаум, Э. Виндиш и др.); однако автоперевод писателя-билингва ещё не был предметом специального анализа; творчество В.В. Набокова анализировалось в исследованиях ряда филологов (М.А. Баканова, У.М. Бахтикиреева, И.Л. Галинская, М.Ю. Шульман, Л.Ю. Стрельникова, Е.С. Смахтин, В.В. Плотникова, Н.В. Пасекова, Б.М. Носик, Б. Бойд), но особенности его идиостиля в переводах и автопереводах требуют дальнейшего изучения.

Научная новизна работы состоит в определении конститутивных признаков художественного билингвизма, в выделении и описании характеристик лингвокреативности в билингвальных художественных текстах применительно к творчеству В.В. Набокова, в характеристике системы его переводческих приёмов и комментариев к художественным текстам, в описании особенностей его автопереводов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие теории дискурса, лингвопоэтики и лингвоперсонологии – характеризует феномен художественного билингвизма и разновидности лингвокреативности в билингвальных художественных текстах.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования полученных результатов в курсах языкознания, межкультурной коммуникации, в спецкурсах по теории дискурса и лингвоперсонологии, а также в практическом курсе английского языка как иностранного.

На защиту выносятся следующие *положения*.

1. Художественный билингвизм представляет собой творческое использование двух языков как способов создания произведений художественной литературы и предполагает высокий уровень коммуникативной компетенции применительно к каждому из этих языков, осмысление специфики семантического и прагматического потенциала этих языков и переводческую деятельность автора по отношению к собственным текстам.

2. Лингвокреативные характеристики художественных текстов В.В. Набокова как писателя-билингва таковы: высокая семантическая точность обозначений реальности на русском и английском языках, активное употребление звуко-символических приёмов в тексте, использование редкой лексики, сложных метафорических образов, аллюзий разного типа, учёт лингвокультурных особенностей восприятия текстов носителями данных языков.

3. Переводческие приёмы В.В. Набокова применительно к его собственным текстам характеризуются поиском предельно точных эквивалентов, включая буквальный перевод, стремлением передать исходный смысл в переводном тексте, в максимальной мере сохранив его содержательные и формальные особенности.

4. Комментарии В.В. Набокова по отношению к собственным и чужим художественным текстам, предназначенным для восприятия носителями английского языка, отличаются следующими особенностями: детальные развернутые объяснения реалий русской культуры, включая справочный материал, раскрытие аллюзий, которые могут быть непонятны носителям английского языка, акцентированное использование фоносемантических способов передачи смысла слов, а также ироничность по отношению к другим писателям и переводчикам.

Апробация. По теме исследования опубликовано 11 работ объёмом 4,65 п. л., в том числе три статьи – в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Основное содержание исследования докладывалось на следующих научных конференциях: IV Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (Волгоград, 2012); VII Международная научная конференция «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2013); IX Международная научно-практическая конференция «Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире» (Волгоград, 2015) и на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете (2009–2016 гг.).

Структура. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В *первой главе* «Художественный билингвизм как предмет лингвистического исследования» раскрываются понятия билингвизма как коммуникативного феномена и художественного билингвизма, рассматриваются конститутивные признаки художественного текста, исследуются художественный перевод и автоперевод.

Билингвизм как способность языковой личности использовать два языка в реальном общении характеризуется различной степенью коммуникативной компетенции билингва. Высшим проявлением билингвизма считается свободное владение вторым языком в тех видах дискурса, которые требуют тонкой дифференциации смысла, стилевых оттенков и учёта культурных ассоциаций. Такой тип билингвизма присущ элитарной языковой личности и может быть квалифицирован как художественный билингвизм. Важнейшими

признаками такого билингвизма являются лингвокреативные характеристики текстопорождения.

Лингвисты едины в том, что билингвизм является естественным и распространённым явлением, и полемизируют друг с другом по поводу терминологического обозначения видов билингвизма. Выделяются свободное и ограниченное владение вторым языком, и, соответственно, одни языковеды считают билингвами только тех, кто свободно общается на втором языке в ситуации естественной коммуникации, в то время как другие исследователи понимают билингвизм в более широком смысле, считая билингвами тех, кто владеет иностранным языком в минимальной степени и проявляет свою компетенцию в специфических ситуациях – в учебной аудитории, во время туристической поездки, в магазине и т. д. Заметим, что имеется еще одна интерпретация рассматриваемого явления: язык художественной литературы (также поэтический язык) противопоставлен языку обиходному, и писатель, использующий лишь один язык (свой родной), может интерпретироваться как билингв.

Высшим проявлением чистого билингвизма считается свободное владение вторым языком в тех видах дискурса, которые требуют тонкой дифференциации смысла, стиливых оттенков и учёта культурных ассоциаций. Это относится, прежде всего, к художественной речи.

Основными проблемами билингвизма выступают интерференция и интеркаляция. В первом случае речь идёт об отклонениях от нормы, когда первый язык влияет на второй, во втором рассматривается обратный процесс влияния второго языка на родной. Приведём пример интеркаляции из эссе «Кэмбридж» В.В. Набокова. Автор рассуждает о специфике пребывания русских студентов в Кэмбридже (Англия), о некоторых правилах, которые следует соблюдать. В определённый момент «нерусскость» повествования выдает следующее словосочетание в одном из предложений: *Немало законов таких, и свежий человек нет-нет да и попадёт впросак*. В русскоязычной культуре нет такого понятия, как «свежий человек», в контексте обучения. В английском же языке *freshman* означает «студент первого курса». Далее в этом эссе мы встречаем еще одну реалию англоязычного уклада жизни, а именно подкидывание газет к домам жителей специальными мальчиками (девочками) – разносчиками газет (школьники, разносящие ежедневные газеты по домам рано утром перед занятиями), которую Набоков решил оставить в транскрипции: *И тогда всё мне кажется скучным, – и очки юркой старушки, у которой снимаешь комнату, и сама комната с ее грязно-красным диваном, угрюмым камином, <...>, и звуки, доносящиеся с улицы, – крик мальчишек-газетчиков: *пайпа! пайпа!* (News)paper означает «газета». Думается, что данные примеры свидетельствуют об интенции автора передать специфику иной культуры, а также ожидание от читателя лингвокультурной грамотности.*

Выделение и обоснование признаков художественного текста относятся к дискуссионным вопросам лингвистики и литературоведения. Отличительными особенностями художественного текста по сравнению с обычным текстом являются следующие: 1) идиостиль писателя; 2) уникальность замысла и

способа выражения посредством определенного набора стилистических средств и ритмического рисунка, т. е. точность; 3) эстетичность; 4) наличие разных стилей; 5) образность и художественный вымысел; 6) множественное прочтение или двойное означивание (необходимость читательской вовлечённости, интерпретации); 7) эмоциональная маркированность.

Феномен писательского билингвизма мало изучен в научной литературе. Причина кроется в редкости явления, свидетельством чего является немногочисленный список писателей, создавших свои произведения на двух языках: В.В. Набоков, И.А. Бродский, Д. Джойс, Дж. Конрад, С. Беккет – данные авторы получили всемирную известность, написав произведения на неродных им языках. Несомненную ценность представляет личность писателя-билингва, мыслящего и компетентно излагающего творческую мысль в двух измерениях, что отражено в его произведениях. В данной связи можно говорить о трансформации языковой личности вследствие взаимодействия двух лингвокультурных систем.

Художественный билингвизм представляет собой комбинированное явление, рассмотрение которого начинается с анализа текстопорождения на двух языках и заканчивается объяснением когнитивных процессов и трансформации языковой личности, использующей два разных языковых кода. Художественный билингвизм понимается в работе как создание произведений художественной литературы на двух языках.

Проанализированный материал позволил выделить три основных понимания художественного билингвизма: 1) тексты писателя-билингва, написанные на двух разных языках; имеются в виду системы, использующиеся как языки творчества в разные временные отрезки; 2) тексты писателя-билингва на двух языках в одном произведении (например, иноязычные вкрапления в описание или повествование); 3) совмещение прозы и поэзии в едином тексте.

В.В. Набоков представляет собой уникальный пример художественного билингва в связи с тем, что этот автор соответствует всем трём названным видам изучаемого явления – его произведения признаны классическими в русской и американской лингвокультурах; тексты на одном языке содержат иноязычные вкрапления, и набоковский слог столь отличителен, что его проза плавно переходит в поэзию. Добавим, что его тексты изобилуют окказионализмами и характеризуются использованием ярких авторских стилистических приёмов.

В.В. Набоков написал около ста лекций по различным аспектам русской литературы. Он говорит о «трёх видах грехов» в переводческой деятельности: «первым злом» он называет «очевидные ошибки, допущенные по незнанию или непониманию». Эту категорию писатель подразделяет на тех, кто, недостаточно зная язык, берётся-таки переводить; и тех, кого внезапно поразила «приступ лингвистического дальтонизма», когда переводчик использует неожиданное значение слова вместо очевидного. Более тяжкой провинностью В.В. Набоков считал ту, при которой переводчик сознательно пропускает слова и абзацы, которые могут быть непонятными воображаемому читателю или вникать в которые переводчик не пожелал. В данном случае писатель акцентирует

внимание на том, что переводчик не должен подстраиваться под каноны общества и общепринятости и бояться «озадачить тупицу или покоробить святошу». Самый же большой грех совершает тот мастер слова, который по своему мнению, «принимается полировать и приглаживать шедевр, гнусно приукрашивая его, подлаживаясь к вкусам и предрассудкам читателей». Последнее В.В. Набоков считал вопиющим варварством, равносильным убийству (Набоков 2012).

Задача художественного перевода состоит в том, чтобы создать эквивалентный оригинальному произведению текст для иноязычного читателя. Переводчик, в силу разных обстоятельств (недостаточное владение иностранным языком, отсутствие литературного дара и т. д.), может допускать различные ошибки. Автоперевод заведомо лишен этого, так как транслятором выступает сам писатель, чётко представляющий себе все нюансы исходного текста и оценивающий восприятие иноязычного читателя. Полной эквивалентности при автопереводе не получается добиться в силу разных обстоятельств: различия между языками, отсутствие полных синонимов, разные лингвокультурные коннотации. В связи с этим отметим, что отношение к автопереводу неоднозначно. Переводной текст рассматривается как вариант исходного либо как тот же текст на другом языке. Изучение художественного автоперевода осложняется тем, что количество писателей-билингвов, способных свободно мыслить и творить на двух языках, очень невелико, и переводной текст характеризуется нюансами авторского мировидения и идиостиля.

Следующие причины объясняют существование автоперевода: неудовлетворённость имеющимися переводами произведений; попытка проконтролировать адекватность перевода; эмиграция; расширение границ читательской аудитории; недостаточное внимание к акустической стороне текста в чужих переводах; переосмысление произведения, желание внести коррективы в уже имеющееся.

Отношение к автопереводу неоднозначно – от восприятия его как явления уникального до отрицания его значимости. С одной стороны, ряд учёных полагает, что при автопереводе писатель пишет заново и создать эквивалентный текст невозможно (Т.У. Бесаев). Чаще всего такая ситуация характерна для отсроченного вида автоперевода, когда автор осуществляет перевод своего произведения позднее даты его написания. Произведение при этом переосмысливается, автор намеренно или вынужденно изменяет текст оригинала. С другой стороны, высказана положительная оценка перестроения исходного текста автором, вплоть до смещения сюжетных линий и изменения количества глав (Е.Б. Дзапарова), так как переводной текст легко воспринимается, а значит, задачи донесения смыслов и эмоционального посыла решены.

Можно выделить следующие характеристики автоперевода: право автора вносить изменения в исходный текст (относительная эквивалентность), проявление индивидуальности автора-переводчика, отсутствие необходимости подстраиваться под другую языковую личность, свобода выбора того или иного

способа выражения, переосмысление исходного текста, сохранение прагматики оригинала.

При автопереводе его создателю сложно облекать в новую форму то, к чему однажды была найдена оболочка. Обычно литературный мир получает практически два разных произведения. Результатом автоперевода зачастую является новое произведение с рядом отличительных особенностей как в формально-языковом плане, так и в культурном отображении действительности.

Во *второй главе* «Автопереводы и комментарии к художественным текстам в творчестве В.В. Набокова» приводятся характеристики идиостиля В.В. Набокова, рассматриваются отличительные особенности его комментариев к собственным переводам, а также описывается специфика автопереводов В.В. Набокова.

Критики творчества В.В. Набокова отмечают, что становление идиостиля писателя было долгим процессом – оттачивалось мастерство повествования вначале на русском языке, а после 1940-х гг. на английском. Возрастание интереса к писателю свидетельствует о мастерстве автора с точки зрения обеих лингвокультур и мировой литературы в целом.

Идиостиль В.В. Набокова представляет собой симбиоз концентрированных уникальных тропов. Читателю предоставляется художественный текст, чтение которого требует умственных усилий и настроенности на эстетическую сторону произведения.

Подсчёт стилистических средств, использованных в рассказах В.В. Набокова, был выполнен с целью выявления доминант лингвокреативных характеристик билингвальных художественных текстов писателя. Из всех проанализированных текстовых фрагментов (взяты за 100%) метафоры составили 21% от общего числа стилистических средств, из чего можно заключить, что они выступают в качестве преобладающего художественного приёма. Наименьшее количество примеров было отмечено в отношении метонимии (7%).

В ходе исследования были выделены следующие отличительные особенности индивидуального стиля В.В. Набокова:

1) использование аллюзий в переводе, отсутствующих в оригинальном тексте: «Занавес в бледных, золотистых изображениях различных оперных сцен» (*“the curtain with pale-gold decorations depicting scenes from various operas – Ruslan in his pointed helmet, Lenski in his carrick”* («Ужас»). Писатель добавил в своём автопереводе аллюзии к произведениям А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» и «Евгений Онегин»;

2) концентрированность высказанной мысли: «В этом спокойном германском городе, где воздух был чуть матовый, и на реке вот уже восьмой век поперечная зыбь слегка тушевала отражённый собор, Вагнера давали с прохладцей, со вкусом, музыкой накамливали до отвала». В данном примере ёмкие фразы, стоящие друг за другом в одном предложении, помогают детально нарисовать читателю описываемые явления;

3) нетипичные коллокации, окказиональное использование соседствующих слов, делающие высказывание уникальным. Уникальность словесного выражения В.В. Набокова состоит в оригинальной сочетаемости слов: *«На той стороне [озера], на холме, густо облепленном древесной зеленью (которая тем поэтичнее, чем темнее), высилась прямо из дактиля в дактиль старинная чёрная башня. Таких, разумеется, видов в средней Европе сколько угодно, но именно, именно этот, по невыразимой и неповторимой согласованности его трёх главных частей ...»*. Данный пример иллюстрирует метафоризацию с аллюзией на стихотворный размер;

4) активное использование фоностилистических приёмов: *«Когда дверь с тяжёлым рыданием раскрылась и пахнуло каким-то особенным, незимним холодком из гулких железных сеней»* (*“When the door swung open with a weighty wail, and a whiff of special, unwintery coolness came from the sonorous non-barred vestibule”*) («Рождество»). В данном примере фонемные комплексы «ры», «ра»/“w”, создают особую тональность повествования – в рассказе речь идет об умершем ребёнке).

Стилистическая система писателя преимущественно базируется на метафоризации. Приведем примеры авторских метафор: *«Через весь газон посредине сквера лежала красная мокрая кишка, и подальше из неё била сияющая вода с разноцветным призраком в ореоле брызг»* (*“A wet red hose lay across the entire lawn in the center of the small public garden and, a little way off, radiant water gushed from it, with a ghostly iridescence in the aura of its spray”*) («Набор»); *«На улицах там и сям накрапывала русская речь: “...Сколько раз я тебя просила...”»* (*“Here and there in the streets there came a sprinkling of Russian speech: “... Skol'ko raz ya tebe govorila”* (“... How many times have I told you”)) («Звонок»). Видна свежесть образов, за счёт которой читатель может легко нарисовать в своём воображении созданную писателем картину.

В произведениях В.В. Набокова прослеживается множество аллюзий к его биографии: *«проходил его сын, ловким взмахом сачка срывал бабочку, севшую на перила»; «Сегодня – первый экземпляр траурницы»* (*“Saw a fresh specimen of the Camberwell Beauty today”*) («Рождество»). Известно, что писатель был коллекционером бабочек, специалистом в области лепидоптерологии, и даже открыл несколько их новых видов, названных в дальнейшем в его честь.

В рассказах писателя используются транслитерации русских слов: *«Пожилый почтовый чиновник <...> тотчас сообщил, что бывал в России и знает немножко по-русски, например, «пацлуй», да так подмигнул, вспоминая проказы в Царицыне, что его толстая жена набросала в воздухе начало оплеухи наотмашь»* (*“An elderly bespectacled post-office clerk <...> immediately announced that he had been to Russia and knew some Russian – for instance, patzlui—and, recalling philander rings in Tsaritsyn, winked in such a manner that his fat wife sketched out in the air the outline of a back hand box on the ear”*).

Тематика аллюзий к России весьма вариативна: *«Флигель соединён был деревянной галереей – теперь загромождён сугробом – с главным домом, где жили летом»* (*“The wing was connected by a wooden gallery, now encumbered*

with our huge north Russian snowdrifts, to the master house, used only in summer”) («Рождество»); «У меня он зарабатывал достаточно на малую русскую жизнь» (“*he was earning enough for the modest life of a refugee Russian*”) («Облако, озеро, башня»).

В заглавии, в именах главных героев сквозит ассоциативный ряд, эти названия содержат ключи к раскрытию смыслов того или иного произведения. В.В. Набоков особым образом использует слово, оно приобретает другие смыслы, оттенки значений. Более того, неспецифичное для какого-то конкретного слова использование на лексическом, синтаксическом, фонетическом уровнях приводит к окказиональному употреблению. В рассказе «Возвращение Чорба» повествуется о гибели жены главного героя Чорба. Можно предположить, что несуществующее имя «Чорб» рифмуется с «чёрт», а фамилия родителей героини «Келлеры», что в английском варианте (“*the Kellers*”) напоминает “*killers*”, т. е. «убийцы».

Ономастика также играет важную роль в произведениях В.В. Набокова. Ряд имён собственных никак не маркированы, большая часть русскоязычного происхождения (Иван, Слепцов – «Рождество», Василий Иванович – «Облако, озеро, башня»), за исключением некоторых (Эрвин – «Сказка»), есть окказиональные (Чорб – «Возвращение Чорба»).

Необходимо отметить, что творчество В.В. Набокова уникально своим синтезом прозы и поэзии, вселяя ритм и особое звучание в рассказы и романы. Звучание текста столь же важно, как и смысловая наполненность. Фонетические повторы, метафоризация стиля являются составляющими такого вида прозы.

Многочисленные строки прозаического текста можно отнести к белому стиху. Это тонко уловимые моменты, но внимательный читатель обратит внимание на симбиоз прозы и поэтизированных вставок. Приведем пример анапеста из «Лолиты»: “*there was a small brown cap on my favorite hairdo – the fringe in front and the swirl at the side and the natural curls at the back*”. Мы подчеркнули ударные слоги. Полагаем, что данное описание девочки используется как шуточное и легковесное.

В.В. Набоков пользовался различными видами комментариев, такими как предисловие, послесловие, сноски, внутритекстовые и послетекстовые уточнения и т. д. Самым большим достижением автора является буквальный перевод с обширными комментариями по роману в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина. Характеристиками набоковского комментария к переводу «Евгения Онегина» являются точность изложения оригинального текста за счёт буквального перевода; привлечение лингвокультурологической, исторической, филологической информации, художественная образность в пояснениях, подробные отступления. Характерными особенностями комментария к его переводу «Слова о полку Игореве» являются раскрытие лексических особенностей этого произведения, аллюзии к другим текстам.

Писатель следил за своей речью и во время интервью, и поэтому всегда заранее планировал ответы. Для его комментариев в прессе характерна чёткая, правильно выстроенная речь не лишённая ярких замечаний.

Художественность переводчика прослеживается в комментарии, на протяжении которого автор использует такие стилистические средства, как метафора (*"Pushkin was very fond of him and vied with him in scatological metaphors"*. – «Пушкин очень любил Вяземского и соперничал с ним в зловонности метафор»; *"In 1823 Pushkin had no rivals in the camp of the Moderns"*. – «В лагере литературных новаторов в 1823 г. Пушкин соперников не имел»); персонификация (*"He was Karamzin's ward, Reason's godchild, Romanticism's champion, and an Irishman on his mother's side"*. – «Князь был воспитанником Карамзина, крестником Разума, певцом Романтизма и ирландцем по матери»); аллюзия (*"Druz'ya Lyudmily i Ruslana: Reference to his own writings is used by Pushkin thematically throughout EO. The allusion here is to his first long work, Ruslan and Lyudmila, a mock epic in six cantos (Ruslan i Lyudmila: Poema v shesti pesnyah, St. Petersburg, [Aug. 10, 1820]"*. («Друзья Людмилы и Руслана!» – Ссылки А.С. Пушкина на собственные произведения составляют в ЕО сквозную тему. Здесь аллюзия на его первую поэму «Руслан и Людмила», псевдоэпос в шести песнях («Руслан и Людмила». Поэма в шести песнях, С.-Петербург, [10 августа 1820 г.]»).

Характеристикой набоковского комментария является подробное уточнение всего, что автор считает необходимым. Например, уточнения по поводу всем известной первой строчки «Мой дядя самых честных правил...» охватывают фамилии современников А.С. Пушкина и критические замечания на их счёт с упоминанием значимых отрывков из некоторых их произведений; подробные топографические заметки («*Онегин тотчас выезжает к дяде в имение – к югу от С.-Петербурга. На основании ряда путевых подробностей <...> я расположил бы все четыре имения («Онегино», «Ларино», Красногорье и усадьбу Зарецкого) между 56-й и 57-й параллелью (на широте Петербурга, что на Аляске). Иными словами, усадьбу, которая достаётся в наследство едва приехавшему туда Евгению, я поместил бы на границе бывших Тверской и Смоленской губерний, в двух сотнях миль к западу от Москвы, т.е. примерно на полпути между Москвой и пушкинским имением Михайловское (Псковская губерния, Опочецкий уезд), миль 250 к югу от С.-Петербурга*»). Данный подход говорит о желании переводчика-комментатора представить полную картину пушкинской действительности для внимательного заинтересованного читателя; такого рода пояснения могут быть полезны и взыскательным учёным в различных областях знания.

Мы взяли три перевода (в том числе набоковский) первой строфы первой главы «Евгения Онегина» для сравнения (см. Таблица). Наш выбор обусловлен нелестным упоминанием В.В. Набоковым именно этих переводов в предисловии к комментариям: *"The four "English", "metrical" "translations" mentioned in my notes and unfortunately available to students. <...> Even worse than these is a new version, full of omissions and blunders, by Walter Arndt"* («Четыре «английских» «стихотворных» «перевода», упомянутых в моём комментарии и, к сожалению, доступных студентам. <...> Неизмеримо хуже вышеперечисленных новая версия Уолтера Арндта (Walter Arndt), изобилующая пропусками и грубейшими ошибками»).

<p>А.С. Пушкин (оригинал) «Мой дядя самых честных правил, Когда не в шутку занемог, Он уважать себя заставил И лучше выдумать не мог. Его пример другим наука; Но, боже мой, какая скука С больным сидеть и день и ночь Не отходя ни шагу прочь! Какое низкое коварство Полуживого забавлять, Ему подушки поправлять, Печально подносить лекарство, Вздыхать и думать про себя: Когда же чёрт возьмёт тебя!»</p>	<p>Nabokov (1964) “My uncle has most honest principles: when he was taken gravely ill, he forced one to respect him and nothing better could invent. To others his example is a lesson; but, good God, what a bore to sit by a sick person day and night, not stirring a step away! What base perfidiousness To entertain one half-alive, adjust for him his pillows, sadly serve him his medicine, sigh — and think inwardly when will the devil take you?”</p>
<p>Arndt (1963) (Уолтер Арндт) “Now that he is in grave condition, My uncle, decorous old prune, Has earned himself my recognition; What could have been more opportune? May his idea inspire others; But what a bore, I ask you, brothers, To tend a patient night and day And venture not a step away: Is there hypocrisy more glaring Than to amuse one all but dead, Shake up the pillow for his head, Dose him with melancholy bearing, And think behind a stifled cough, When will the Devil haul you off?”</p>	<p>Spalding (1881) (Генри Сполдинг) “My uncle’s goodness is extreme, If seriously he hath disease; He hath acquired the world’s esteem And nothing more important sees; A paragon of virtue he! But what a nuisance it will be, Chained to his bedside night and day Without a chance to slip away. Ye need dissimulation base A dying man with art to soothe, Beneath his head the pillow smooth, And physic bring with mournful face, To sigh and meditate alone: When will the devil take his own!”</p>

Перевод В.В. Набокова точно передает как лексическую, так и синтаксическую сторону оригинала (за исключением инверсии в «To others his example is a lesson», хотя русский вариант тоже инверсивен). Слово «коварство» переведено как “perfidiousness” (книжное), полностью соответствующее по стилю. Единственным отличием является отсутствие рифмы. Это сохранено в двух других переводах, но есть ряд неточностей. Перевод Г. Сполдинга содержит устаревшие формы слов “hath”, “Ye”, что подчеркивает старину «Евгения Онегина», но при этом содержит более язвительную и отстраненную фразу: “A paragon of virtue he” («Он образец добродетели»), чем оригинальное выражение «Его пример другим наука». В оригинале сказано: «С больным

сидеть и день и ночь, Не отходя ни шагу прочь!», а в переводе – “Chained to his bedside night and day Without a chance to slip away” (эксплицитно выражена имплицитная идея прикованности). В интерпретации У. Арндта ещё больше несоответствий: первые две строчки сильно искажены – фраза “decorous old grune” («порядочный старый простофиля») слишком едкая и очевидная, при этом первое слово слишком формальное, а последнее относится к разговорному стилю. Коварство передано словом “hypocrisy” («лицемерие/ фальшь»), что не совсем то. И последняя фраза за счёт выражения “haul you off” тоже искажает оригинал и означает «выждет и что-то сделает внезапно». Мы видим, что В.В. Набоков был прав, предыдущие переводы несовершенны, и необходим подстрочник для того, чтобы дать возможность людям, не знающим русского языка, но желающим понять гениальность А.С. Пушкина, насладиться всем смысловым богатством романа.

Следующие особенности характеризуют набоковский перевод «Слова о полку Игореве» и комментарий к нему: 1) пояснение лексики («“сизый” значит “дымчатый” (совр. “сизый”), проще всего перевести с помощью англ. “smoky”; цвета дыма, голубино-серый, голубовато-серый, сине-серый цвет; туманная дымка, оттенок дали»; «В последнем пассаже “в Русской земли” слово “земля” точнее всего будет передано англ. “soil” (“почва”), ибо русское слово несёт в себе как идею протяжённости, так и вещественности»); 2) упоминание других переводчиков («Другие комментаторы предполагают, что все три эпитета следует переводить просто как “тёмный” (в древнерусском языке есть слово “бусый”); но такой цветовой эпитет звучал бы очень неестественно применительно к ворону и волку»); 3) собственно набоковская художественность («Велико искушение приписать следующую далее цитату Бояну»), 4) пояснение аллюзий («Не из “Слова” (которое тогда он еще не знал так хорошо, как будет знать позднее), а из французского переложения “Оссиана” молодой Пушкин позаимствовал строки, связанные с его Бояном (позаимствованным, в свою очередь, у Хераскова) в “Руслане и Людмиле” (1820): Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой...») и др.

Анализ набоковского комментария к интервью, которые он давал, показал, что высказывания писателя тщательно спланированы, выверены и поэтому представляют собой художественную ценность. Уникальный идиостиль В.В. Набокова прослеживается в стилистических приёмах («Добывание местных приправ, которые позволили бы сдобрить усреднённой “реальностью” варево личной фантазии, оказалось, в пятьдесят лет, делом куда более трудным, чем то было в Европе моей молодости»), в языковой игре и других аспектах интервью: (фонетическая метаморфоза: «“Мистер Наборков”, или “Мистер Набаков”, или “Мистер Набков”, или “Мистер Набохов”, – это зависит от его (того, кто обращается к писателю) лингвистических возможностей»).

Ещё один вид комментариев составляют различного рода авторские разъяснения в тексте художественного произведения. Эти разъяснения были проанализированы на материале коротких рассказов В.В. Набокова в сопоставлении с их автопереводами. Выявлены основные три характеристики

различного рода несоответствий: прямое использование русских слов в переводном тексте (использованы коннотативно заряженные русские слова при помощи транскрибирования, при этом автор использует лакунарное слово непосредственно в грамматике другого языка, например: «Николай Степаныч, крикнув, подошёл, сел рядом на край кушетки. Крикнул опять (*“Nikolay uttered a Russian grunt (kryak) and sat down on the edge of her couch. He kryak'ed again”*) («Звонок»)). В данном случае конструируется прошедшее время несуществующего в английском языке глагола, объяснённого посредством имеющегося); амплификация в переводном тексте (содержится добавочная фраза, отсутствующая в оригинальном тексте (для детализации лингвокультурного явления):

«Флигель соединён был деревянной галереей – теперь загромождённой сугробом – с главным домом, где жили летом» (*“The wing was connected by a wooden gallery, now encumbered with our huge north Russian snowdrifts, to the master house, used only in summer”*) («Рождество»); *«У меня он зарабатывал достаточно на малую русскую жизнь»* (*“he was earning enough for the modest life of a refugee Russian”*) («Облако, озеро, башня»).

Комментарии в переводном тексте носят поясняющий характер с уточнениями по поводу российского быта; компрессия в переводном тексте (отсутствует элемент из исходного текста: *«то и дело раздражалась залпом польских или русских фраз в направлении своего невозмутимого любовника»* (*“And every now and then she would volley a burst of Slavic at her stolid lover”*)). Сжатие информации в переводном тексте в виде замены «польский и русский» на «славянский», с одной стороны, обобщает высказанную мысль, с другой – даёт культурный и лингвистический посыл.

Анализ рассказов на русском языке и их перевода на английский показал, что В.В. Набоков прибегал к уточнению реалий русской лингвокультуры посредством транскрибирования и дефиниции, а также при переосмыслении рассказов во время автоперевода. Также имеют место и опущения в переводном тексте.

Автопереводам рассказов В.В. Набокова с русского языка на английский свойственны: максимальная степень адекватности и эквивалентности в лексическом, фонетическом и стилистическом планах, редкие случаи несоответствия в силу переосмысления исходного текста, замена эмоционально окрашенного слова в русском тексте более нейтральным аналогом при переводе на английский язык в целях избежания объемного комментария. При этом реалии переводятся с использованием следующих принципов: транскрибирование, приблизительный перевод, конкретизация / генерализация, опущения, окказионализмы, наиболее употребительно создание окказионализмов при отсутствии объекта в англоязычной действительности.

Автоперевод В.В. Набокова отличается следующими формально-языковыми особенностями:

- Синтаксически оба варианта текста схожи, отличия имеют место в силу разных языковых кодов: *“Your love was a bit muted, as was your voice”*. – «Твоя любовь была глуховата, как и голос твой»; *“They'll be in the workshop”*. – «Они

будут в мастерской». Данные предложения свидетельствуют о желании автора сохранить синтаксис неизменным в обеих лингвокультурах.

● Редки примеры с отличиями в структуре предложений: «В большом нерусском городе, куда я через сутки приехал, и довелось мне высший ужас испытать» (“It was in the foreign city I reached next day that I was to have my encounter with supreme terror”). В рассказе «Ужас» в данном предложении имеется явление инверсии в исходном тексте, что несколько нетипично при сравнении двух языков. Полагаем, что в данном случае В.В. Набоков переосмыслил исходную ситуацию.

Проанализированный материал показал, что для рассказов В.В. Набокова характерны глубинная художественность и мастерски переданные посредством различных фонетических явлений оттенки. Творчество писателя синтезирует прозу и поэзию, вселяя определенный ритм в исходные и переводные рассказы. Особое звучание текста является столь же важным аспектом, как и смысловая наполненность.

Аллитерация представлена следующими видами: 1) аллитерация в обоих текстах – один и тот же звук / разные звуки; 2) аллитерация в одном из парных текстов.

Описание дождя пронизывает всё повествование рассказа «Звуки»:

“It was necessary to shut the window: rain was striking the sill and splashing the parquet and armchairs. With a fresh, slippery sound, enormous silver specters sped through the garden, through the foliage, along the orange sand” («Окно пришлось захлопнуть: дождь, ударяясь о подоконник, брызгал на паркет, на кресло. По саду, по зелени, по оранжевому песку, свежо и скользко шумя, неслись громадные серебряные призраки»).

Аллитерация (повторение звуков «с» / “s”) рисует ясную картину летнего дождя, приводя главного героя в восторженное состояние духа.

Имеется ряд случаев, когда по той или иной причине В.В. Набокову не удалось быть максимально эквивалентным. Так, например, один из любимых приёмов писателя, аллитерация, отсутствует попеременно то в исходном тексте рассказа «Уста к уста́м», то в английском: «Илья Борисович написал этюд “Плавающие и путешествующие”» (“Travelers by Sea and Land”); акцент на одиночество в старости главного героя сделан в примере: «в общем очень одинокий Илья Борисович» (“on the whole very lonely person”), который отсутствует в английской версии.

В лексическом плане наиболее значимыми индикаторами идиостиля В.В. Набокова являются реалии и лакуны. Перед переводчиком стоит сложная задача относительно выбора способа перевода той или иной реалии: упор может быть сделан либо на передачу колорита лексемы с вероятным недопониманием всей палитры смыслов, либо на передачу значения реалии, неизбежно снижающую ее эстетическую функцию за счет дополнительных комментариев.

Рассказы, написанные В.В. Набоковым по-русски, содержат большое количество типично русских лексем, перевод которых на английский язык весьма сложен, поскольку синтетический строй русского языка требует

расширения переводного текста. Сопоставление рассказов В.В. Набокова на русском языке и их автопереводов свидетельствует о том, что писателю удалось передать и замысел рассказов, и соблности их структурную схему и прагматику.

С использованием классификации языковых лагун С.И. Титковой был проведён анализ лагунарных явлений (100%) в оригинальных рассказах и их автопереводных текстах на основе выделения несоответствия между единицами русского и английского языков. Методом случайной выборки были выявлены однокомпонентные (79%) и двухкомпонентные (21%) лагуны. Однокомпонентные лагуны отражают отсутствие слова или понятия в одном из двух языков, при этом они подразделяются на лексические (возникающие из-за отсутствия в одном из языков слова для называния явления, имеющегося в обеих лингвокультурах), стилистические (существующие в одном из языков и стилистически непредставленные в другом) и лексико-грамматические (возникающие как результат наличия в одном языке грамматических явлений, влияющих на лексическое значение языковых единиц и делающих их лексическими лагунами в других языках). Двухкомпонентные указывают на наличие в обоих сравниваемых языках семантически неполных или различающихся по форме соответствий.

Приведём примеры: однокомпонентные лексические лагуны («молодые» – *“the Chorbs”*, «борщ» – *“borscht”*, «баба» – *“a peasant woman”*; «барыня» – *“ma'am”*), стилистические («Это, скажу вам, дело». – *“No nonsense there, you can take my word”*; «Как изволите поживать, Леля?» – *“How are you, Lyalya dearest?”*). Наречия также представлены в данной группе:

«Жить стало невтерпёж». – *“Life had grown unbearable for him”*; *«понять её по-житейски»* – *“come to terms with it on a day-by-day basis”*; *«всё в мире было ей по-житейски ясно»* – *“everything in the world had a kind of everyday clarity”*; *«до упаду хохотала»* – *“and laughed, and laughed”*; *«изредка»* – *“now and then”*, *«божественно»* – *“a heavenly moment”* и лексико-грамматические лагуны (*«оживать»* – *“come alive”*, *«(дверь) распахнется и хлопнется»* – *“swing open and slam shut”*, *«ночь дошла до вершины и вот-вот скатится, перевалит в легкий туман рассвета»* – *“night had reached the summit and was teetering on that crest, ready to roll down into the haze of dawn”*).

Аффиксация в русском языке нетрадиционна для английского языка и является типичной чертой исходных текстов в виде уменьшительно-ласкательного суффикса: *«Степенный особнячок»* – *“small but dignified private house”* («Возвращение Чорба»); *«перебирал инструментики»* – *“sorted his tinkling instruments”* («Звонок»); *«деревянное строеньеце»* – *“little wooden structure”* («Рождество»); *«холодок»* – *“frost”* («Ужас»).

К двухкомпонентным относятся узуальные лагуны – непереводимые устойчивые словосочетания (*«ёкнуло сердце»* – *“...made his heart jump”*). Данное выражение иллюстрирует устойчивое выражение русского языка, означающее «сжиматься от испуга, неожиданности», прямой аналог которого отсутствует в английском языке и переведён потому нейтральной фразой.

Для рассмотрения реалий при автопереводе была использована схема, предложенная Е.В. Сальниковой (три основных приёма передачи реалий: пояснение в сносках, транскрипция и объяснение в тексте), и добавлены несколько необходимых пунктов. Реалии (взяты за 100%) были отсортированы по пяти принципам на основе способа передачи на английском языке: 1) транскрибирование (18%); 2) приблизительный перевод (33%); 3) конкретизация/ генерализация (22%); 5) опущения (11%); 4) окказионализмы (27%).

Рассмотрим примеры реалий:

1) транскрибирование. Главный герой рассказа «Памяти Л.И. Шигаева» описывает разнообразные манипуляции с чертами, как он их рассматривал и изгонял:

«рассмеявшись – что мне оставалось другого? – рассмеявшись, я вслух произнес “тьфу” (единственное, кстати, слово, заимствованное русским языком из лексикона чертей; смотри также немецкое “Teufel”)». – “With a laugh – what else did I have left? – I would utter a “T’foo! ” (the only expletive, by the way, borrowed by the Russian language from the lexicon of devils; see also the German “Teufel”)”;

2) приблизительный перевод. *«Вкусно пахло в столовой жареным салом, лежавшим прозрачными ломтиками под горячими пузырями яичницы». – “From the dining room came the delicious smell of bacon and eggs” («Картофельный эльф»);*

3) замена гиперонима гипонимом (конкретизация) или гипонима гиперонимом (генерализация): *«объясняющую ему в диванной» – “explaining to him, as they sat on the ottoman” («Набор»).* В русском варианте «диванная» – помещение в богатом доме, обставленное диванами вдоль стен и предназначенное для бесед, на английский не переводимо, в английском варианте «сидя на тахте», *«маленькие ноги в щегольских иттиблетах» – “those small feet in smart shoes”;*

4) опущение при переводе / контекстуальный перевод. В словосочетании *«кладбищенский кипарис» (cypress) («Весна в Фиальте»)* утрачивается эпитет в силу нетипичности использования данного растения в зарубежных странах в этой функции; полные же замены происходят тогда, когда прямое обозначение того или иного явления по разным причинам табуируется. Так, супружеская измена главных героев в русском варианте называется без прикрас, в английском выведена в подтекст («Весна в Фиальте»);

5) окказионализмы. В.В. Набоков использует окказионализмы как в русском, так и в английском языке (попеременно):

«Как мне была знакома её зыбкость, нерешительность, спохватки, легкая дорожная суета!». По-английски эта идея выражена иначе: “How familiar to me were her hesitations, second thoughts, third thoughts mirroring first ones, ephemeral worries between trains”. – «Как близки мне были её нерешительность, сомнения, новые сомнения как отражения прежних сомнений, мимолетные волнения в промежутках между посадкой на поезд».

Значимым элементом творчества писателя являются реалии-советизмы. Они находят отражение в описании некоторых традиций (похороны), особенностей питания в те годы:

«колбасная» – “a delicatessen shop”, «ужин в портфеле» – “supper in his briefcase”, «накормил ливерной колбасой и бульоном магги» – “fed me liver wurst and beef-tea”, «страшная комнатка <...> страшная лампочка на шнуре» – “the ghastly little room <...> the ghastly lamp hanging from its cord, with a naked bulb”.

В последнем примере реалия безабажурной лампочки, привычной для русскоязычной культуры, уточнена более детально в переводном тексте.

Сопоставительный анализ показал, что оригиналы рассказов и их автопереводы адекватны друг другу с точки зрения прагматики текста. Есть некоторые ограничения и вставки на лексическом уровне для полноты передачи замысла автора. Тот или иной описываемый объект с предельной детализацией изображается как в русском тексте, так и в английском посредством детальной передачи тонких смысловых оттенков обоих языков. Наличие имплицитного в обоих текстах свидетельствует о модификации смыслов, сориентированных на определенную лингвокультуру.

В стилистическом плане сравнительно-сопоставительный анализ рассказов показал, что тексты изобилуют стилистическими средствами в оригинальных текстах и их автопереводах. В связи с тем, что В.В. Набоков стремился передать все тонкости изначальной идеи для иноязычного адресата, использование стилистических приёмов происходит практически эквивалентно (за исключением некоторых случаев). Наиболее частотными стилистическими приёмами являются метафора, метонимия, асиндетон.

Приведём некоторые примеры:

«рыдали скрипки» (“The violins were weeping”); «Их манила весенняя ночь» (“They were lured by the spring night”); «Илья Борисович почувствовал такой писательский зуд» (“experienced such an attack of writer's itch”) и т. д.

В этих предложениях мы видим, что автор максимально эквивалентно старался передать изначальную задумку произведения, от чего и в переводном тексте сохранена точность, присущая писателю.

Имя собственное указывает и на статус человека, и на национальную принадлежность; зачастую это «говорящие» имена, указывающие на замысел автора; нередки аллюзии на другие известные имена. В рассказах присутствуют следующие группы имён собственных, представленные в русских оригинальных текстах: 1) антропонимы с уменьшительно-ласкательным суффиксом; 2) антропонимы, ассоциативно насыщенные для сознания читателя («говорящие» имена). В английском варианте писатель постарался передать данные явления средствами переводного языка. Яркой особенностью выразительности русского языка является уменьшительно-ласкательная форма антропонимов, что отсутствует в английском: *«Фердинандушка» – “Ferdie”, «Васенька» – “Victor dear”.*

Проанализированный материал показал, что русский текст более экспрессивен и во многих случаях изначально переданный колорит утрачивается. Например, в топониме, содержащемся в названии рассказа «Весна в Фиальте» и обозначающем место, где происходит действие, В.В. Набоков зашифровал название цветка и созвучность с Ялтой, о чём мастерски сказано так:

«Я этот городок люблю: потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелкого, тёмного, самого мятого из цветов, и не в тон, хотя внятное, звучание Ялты». Носитель русской культуры может восстановить эту ассоциацию, англоязычный читатель её не увидит, и поэтому в переводе название города Ялта заменяется на обозначение “*a lovely Crimean town*” («приятный город в Крыму»).

Рассказы В.В. Набокова на русском языке и их переводные аналоги на английском прагматически адекватны и эквивалентны в лексическом и стилистическом плане, синтаксически несколько отличаются в силу разных языковых систем и менталитетов. Имеется ряд несоответствий, но они несущественны в силу языковых особенностей. Вместе с тем, несмотря на стремление автора к максимальной эквивалентности при автопереводе рассказов, русский текст отличается большей экспрессией.

В.В. Набоков относится к числу писателей-билингвов и является классиком как русской, так и американской культур. Двуплановость мышления отразилась на кругозоре и начитанности писателя. В его текстах отсутствует интерференция со стороны русского языка. Индивидуально-авторский стиль В.В. Набокова характеризуется узнаваемостью, плавным переходом прозаического текста в поэтический, высокой степенью авторской метафоричности и акцентированными фоносемантическими признаками.

В *заключении* диссертации подводятся итоги работы и определяются перспективы исследования, которые мы видим в изучении лингвокреативного билингвизма в произведениях других писателей, а также в освещении билингвальной креативности в других типах дискурса, в частности в интернет-коммуникации.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных
ВАК Минобрнауки России*

1. Коровина, К.Г. Лакуны в рассказах В.В. Набокова / К.Г. Коровина // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований». Ростов-на-Дону, 27 февраля 2014 г. – Гуманитарные и социальные науки: электрон. журнал.– 2014. – № 2. С. 580–583. – URL: <http://www.hses-online.ru> (0,4 п. л.).

2. Коровина, К.Г. Соотношение эксплицитности и имплицитности в автопереводе / К.Г. Коровина // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. – 2014. – № 2 (87). – С. 51–55 (0,6 п. л.).

3. Коровина, К.Г. Перевод реалий как проблема переводоведения (на примере рассказа В.В. Набокова «Памяти Л.И. Шигаева») / К.Г. Коровина // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 10 (40). – Ч. I. – С. 110–113 (0,5 п. л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

4. Коровина, К.Г. Билингвизм: история, пути осмысления / К.Г. Коровина // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти проф. Е.А. Пименова: сб. науч. ст. – М.: ИЯ РАН, 2011. – Вып. 11: Филологический сборник. – С. 364–369 (0,4 п. л.).

5. Коровина, К.Г. Художественный текст писателя-билингва / К.Г. Коровина // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Волгоград: Парадигма, 2012. – Т. 2: Актуальные проблемы лингвистики. – С. 87–91 (0,3 п. л.).

6. Коровина, К.Г. Особенности автоперевода романа В.В. Набокова «Лолита» / К.Г. Коровина // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. – Волгоград: Парадигма, 2013. – С. 75–80 (0,4 п. л.).

7. Коровина, К.Г. Стилистические характеристики рассказа В.В. Набокова «Уста к устам» / К.Г. Коровина // III межвузовская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной лингвистики». – СПб.: ЛЭТИ, 2014. – С. 190–192 (0,2 п. л.).

8. Коровина, К.Г. Особенности художественного билингвизма (на примере рассказа В.В. Набокова «Звуки») / К.Г. Коровина // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 9: сб. ст. / науч. ред. И.С. Бессарабова. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «РАНХиГС», 2015. – С. 58–59 (0,3 п. л.).

9. Коровина, К.Г. Эволюция переводческих приёмов В.В. Набокова / К.Г. Коровина // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: материалы Всерос. науч.-практ. интернет-конф. – Краснодар, 2015. – С. 85–91 (0,75 п. л.).

10. Коровина, К.Г. Художественный билингвизм: три аспекта понимания явления / К.Г. Коровина // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л.А. Миловановой. – Волгоград: Парадигма, 2015. – С. 240–245 (0,4 п. л.).

11. Коровина, К.Г. Лингвокреативные характеристики комментариев В.В. Набокова к собственному переводу «Слова о полку Игореве» / К.Г. Коровина // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 10. Ч. I: Сборник статей / отв. ред. Е.В. Гуляева, И.С. Никитина. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «РАНХиГС», 2016. – С. 73–75 (0,4 п. л.).

КОРОВИНА Кристина Геннадьевна

ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА
(на материале произведений В.В. Набокова)

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 16. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27